

DOI: 10.47026/2712-9454-2025-6-1-19-36

УДК 94:[35.08:331.361(470.343+470.51)"192"]  
ББК Т3(2Рос.Мар)61-334+Т3(2Рос.Удм)61-334

А.В. ЖЕЛОБАНОВ

**СПЕЦИФИКА ПОДГОТОВКИ ПАРТИЙНЫХ И СОВЕТСКИХ КАДРОВ  
В 1920-е ГОДЫ (на материалах Марийской и Удмуртской автономий)**

**Ключевые слова:** подготовка кадров, совпартишколы, Марийская автономия, Удмуртская автономия, Сарапульская партийная школа, Глазовская партийная школа, политика коренизации.

Подготовка специалистов в сфере государственного управления является актуальной темой, о чем свидетельствует, например, «Президентская программа управленческих кадров», которая была реализована в большей части страны. Поскольку цифровизация становится частью современного управления, появилась потребность в обновлении образовательной программы для будущих руководителей. Для недопущения повторных ошибок при внедрении новаций в обучение государственных служащих необходимо изучать опыт подготовки партийных и советских кадров в 1920-е гг. Данная тема является малоизученной, что подтверждается скудным количеством публикаций.

**Цель исследования** – выявление и оценка специфики подготовки партийных и советских кадров в 1920-е гг. на материалах Марийской и Удмуртской автономий.

**Материалы и методы.** Источниковой базой послужили опубликованные сборники документов. Хронологические рамки: 1920-е гг. При подготовке статьи были использованы историко-генетический, историко-сравнительный, историко-системный и другие методы.

**Результаты.** В статье рассматривается специфика подготовки партийных и советских кадров в 1920-е гг. в Марийской и Удмуртской автономных областях. Приводится краткая характеристика становления политического образования в 1920-е гг. Прежняя кружковая форма обучения будущих управленцев оказалась неэффективной в условиях перехода от Гражданской войны к новой экономической политике. В новых обстоятельствах требовался широко образованный и идеологически грамотный руководитель. Для этого была сформирована трехуровневая система советских партийных школ (совпартишкол). Развитие партийного образования в Марий Эл происходило в обстановке внутрипартийной борьбы за власть и серьезного кадрового дефицита. Тяжелый удар по формированию сети партийных учебных заведений нанес голод, усугубивший нехватку педагогических кадров. Подготовка партийных и советских кадров из марийцев проходила в русле политики коренизации, предполагавшей активное вовлечение титульных этносов национально-территориальных образований в самоуправление. Качество обучения снижалось вследствие низкой образованности политпросветработников, нехватки специализированной литературы и оснащенных необходимым оборудованием помещений. Негативно на состав управленческого персонала влияли периодические чистки госаппарата. Вместе с тем констатируются важные достижения по организации культурно-просветительских учреждений. Развитие партийного образования в Удмуртии происходило в условиях дефицита педагогических кадров. Количество учебных заведений часто превалировало над качеством образования. Совпартишколы были открыты в Ижевске, Сарапуле и Глазове. Подробно рассматривается история Сарапульской и Глазовской партшкол. Чтобы ликвидировать нехватку лекторов в данных учебных заведениях, было решено отбирать в состав преподавателей курсантов, успешно завершивших обучение. На качество образования в совпартишколах оказывали влияние перегруженность педагогов посторонней работой, а также слабое материальное оснащение учебных заведений. В процессе коренизации удмуртского госаппарата происходил перевод делопроизводства на удмуртский язык, параллельно организовывались курсы по его изучению. Успехи данной политики часто нивелировались вследствие чисток госаппарата. Отмечаются важные результаты по формированию сети политических учебных заведений в Удмуртии.

**Выводы.** Кадровая проблема имела прямую связь с процессом складывания у марийцев и удмуртов государственности. На увеличение или сокращение количества совпартшкол влияли разные факторы, в том числе голод 1921 г. Политика коренизации, предполагавшая обучение в специализированных организациях и вовлечение местного населения в госструктуры, проводилась в обеих автономиях в тесном взаимодействии с Центром. Недостатки обучения объяснялись объективными социально-экономическими и культурными условиями. Для Марий Эл и Удмуртии 1920-е гг. стали важным периодом в области культурного строительства и формирования совпартшкол.

**Введение.** Подготовка специалистов в области государственного управления является актуальной темой, о чем свидетельствует, например, «Президентская программа подготовки управленческих кадров», которая по состоянию на 2022/23 учебный год была реализована в 62 субъектах Российской Федерации, т.е. в большей части страны [17]. В современных условиях, когда цифровые технологии стали частью современного управления, появился запрос на обновление образовательной программы для будущих управленцев [9]. Вместе с тем необходимо учитывать исторический опыт проведения в жизнь образовательной программы подготовки будущих руководителей, чтобы не допустить повторных ошибок при внедрении новаций.

Тема настоящего исследования остается малоизученной. Научную литературу по ней можно условно разделить на две группы: 1) научные труды, посвященные становлению той или иной автономии, в которых история подготовки партийно-советских кадров не затрагивается либо раскрывается частично [2, 16, 22]; 2) статьи и монографии, посвященные кадровой проблеме [1, 12, 21, 26]. Очень скудное количество публикаций по истории подготовки партийных и советских кадров [4, 11].

**Цель исследования** состоит в выявлении и оценке специфики подготовки партийных и советских кадров изучаемых автономий Среднего Поволжья в 1920-е гг.

**Материалы и методы исследования.** Источниковой базой для исследования послужили опубликованные сборники документов, которые содержат отчеты, доклады, статистические данные и другие документы о состоянии культуры и образования в той или иной автономии, всесторонне отмечая достоинства и недостатки государственной политики в этой области.

Объектом исследования являются Марийская и Удмуртская (Вотская) автономии. Выделение представленных национально-территориальных образований вызвано рядом объективных причин. Во-первых, их титульные этносы имеют финно-угорское происхождение. Во-вторых, по своему государственному становлению данные национально-территориальные автономии очень схожи (Удмуртия и Марий Эл получили статус автономной области (АО) в 1920 г.). В-третьих, вышеупомянутые республики расположены в восточной части Восточно-Европейской равнины [15, 23].

Хронологические рамки исследования охватывают 1920-е гг. Условной исходной датой является 1921 г., когда на X съезде РКП(б) было принято решение о создании сети партийных образовательных учреждений, в которую вошли созданные ранее коммунистические университеты и областные совпартшколы. Именно на основе их совместного опыта стали формироваться остальные учебные заведения по подготовке партийных и советских кадров. В качестве верхней хронологической границы исследования взят 1929 г. – «год великого перелома», после которого началась перестройка партийно-советского образования под нужды коллективизации и форсированной индустриализации в стране.

Методологической основой исследования послужили историко-генетический (последовательное раскрытие свойств и изменений партийного образования в той или иной автономии в процессе истории), историко-сравнительный (выделение общих черт и особенностей процесса развития политического обучения в автономиях, причин возникновения данной образовательной системы и др.), историко-системный (рассмотрение развития партийного образования в автономиях в рамках общегосударственного процесса) методы.

**Результаты исследования.** Выявление особенностей подготовки партийных и советских руководителей в исследуемых национально-территориальных образованиях невозможно без ее краткой характеристики в целом. Это целенаправленная политика советского правительства по формированию профессиональных управленцев. Первоначально партийное просвещение представляло собой систему разнообразных кружков: по политической грамоте (политграмоты) – для начинающих, где изучалась история РКП(б); по изучению отдельных сочинений классиков марксизма-ленинизма; предметные (например, по политэкономии, истории партии и др.). Поскольку данная система не поддавалась контролю, а сама программа обучения обычно не выполнялась, она оказалась малоэффективной [4]. Отказ от прежних образовательных стандартов произошел в том числе из-за перехода от Гражданской войны к условиям новой экономической политики (НЭП). Была разработана трехуровневая система советских партийных школ (совпартшкол), основной задачей которых являлось воспитание партийных и советских (государственных) управленцев нового поколения. Совпартшколы I ступени готовили руководителей уездного уровня; курсанты совпартшколы II ступени могли стать управленцами среднего звена; совпартшколы III ступени представляли собой коммунистические вузы и одновременно высший уровень политического образования. Областные совпартшколы занимали промежуточное положение между школами II и III ступеней. Прошедшие обучение в данной системе курсанты должны были уметь применять свои познания на практике [8]. Содержание программы обучения в совпартшколах диктовалась «условиями мирного социалистического строительства» [4. С. 30]. Сеть данных учебных заведений образовалась в центре и на местах только к середине 1920-х гг. Образовательная программа подразделялась на общую и политическую. Общая давалась в рабочих университетах, на рабочих факультетах, в рабочих техникумах, на одногодичных рабочих курсах для пролетариев и крестьян. Политическое образование предоставляли высшие партийные школы, совпартшколы, школы политграмоты, школы нормального типа, сокращенные школы и кружки [27. С. 325]. Таким образом, данная образовательная система в идеале готовила всесторонне развитого, идеологически и политически грамотного управленца.

Прежде чем отобразить состояние подготовки представителей органов власти, ее специфику в той или иной автономии, необходимо раскрыть условия, в которых она осуществлялась. С образованием 4 ноября 1920 г. Марийской автономной области (МАО) с центром в Краснококшайске в состав ее органов управления впервые в истории региона вошли марийцы [20. С. 371]. В январе 1921 г. сформировался Революционный комитет (Ревком) МАО, а затем, на заседании Краснококшайского уездного комитета РКП(б), было избрано Временное областное бюро РКП(б), первое заседание которого состоялось 19 января 1921 г. Опираясь на мнение К.Н. Санукова, Ю.Н. Тимкин справедливо отмечает, что Ревком и Временное бюро обкома РКП(б) представляли единую

систему управления, поскольку оба органа власти состояли практически из одних и тех же людей. Стоит отметить, что в созданных организациях отмечалось падение дисциплины вследствие отсутствия должного штата работников. Все это усугублялось высокой текучестью кадров [22. С. 387–388].

Дефицит управленцев приобрел свою остроту из-за отсутствия в соответствующих аппаратах опытных служащих, поэтому Центру приходилось работать со слабыми специалистами. Особенно серьезным был недостаток в тех кадрах, на которых ложилось бремя решения финансовых и торговых вопросов. Деградация высших партийно-советских управленцев усилилась чистками их рядов, когда основным мотивом чисток стали социальное происхождение, членство в другой партии в прошлом и т.д. Именно такие процессы происходили в Марийской автономии, когда в 1921 г. руководящий беспартийный слой был заменен, а узкий круг партийцев присвоил себе право смещать и назначать на руководящие посты разных лиц без уведомления Советов [21. С. 393].

К концу 1921 г. кадровый голод практически удалось побороть в обкоме и кантонных комитетах партии. Однако потребность в квалифицированных кадрах по-прежнему оставалась высокой. Так, весной 1922 г. нехватка специалистов в обкоме составляла 50%. Кадровый дефицит компенсировался смещением руководящих должностей одним человеком, что негативно сказывалось на работе учреждения. Подавляющее большинство циркуляров отправлялось на места необработанными и совершенно непригодными к реализации в условиях Марийской автономии [22. С. 389].

Серьезная нехватка кадров осложнялась противостоянием внутри партии. Две группировки – «краснококшайцы» и «козьмодемьянцы» – стремились получить большую часть областных отделов в свои руки. Несмотря на то, что за первыми были закреплены ключевые ведомства, их главенство в области оспаривали вторые, открыто саботируя директивы из столицы автономии. В конце 1921 г. ситуация обострилась настолько, что едва не переросла в открытый военный конфликт. Как отмечает О.Н. Сутырина, в дело вмешался ЦК РКП(б), прислав своего Н.И. Ежова в качестве секретаря обкома для урегулирования отношений между противоборствующими сторонами. Его деятельность хоть и привела к победе линии «назначенцев» из ЦК партии, но окончательно погасить конфликт между старыми враждующими группировками не смогла [22. С. 389]. С 1922 г. развернулась борьба за назначение в финансовые отделы, областной совнархоз, управление по торговле и промышленности, в сельскохозяйственную кооперацию выдвиженцев от партии [21. С. 394]. Однако улучшению ситуации это не помогло. Работа парторганизации по-прежнему характеризовалась как неэффективная из-за недостатка квалифицированных кадров [22. С. 391].

Несмотря на тяжелую обстановку, принимались меры по налаживанию политического образования в области. Так, согласно отчету Краснококшайского укома партии, в феврале 1920 г. в Козьмодемьянске были учреждены политическая школа и школы по ликвидации безграмотности в уезде [14. С. 32]. В 1920 г. было открыто Сернурское отделение мари по советскому строительству [20. С. 372]. Важное последствие как для страны в целом, так и для Марийской автономии в частности имел прошедший в марте 1921 г. X съезд РКП(б), на котором постановили, в частности, создать сеть курсов и школ «для ускоренной подготовки [...] советско-партийных работников по всем областям управления, и прежде всего в области просвещения» [14. С. 44]. Однако серьезный удар

по развитию образовательной сети нанес голод 1921 г., о чем свидетельствовал доклад Марийского инструкториата бюро национальных меньшинств Главного управления социального воспитания и политехнического образования (Главсоцвос) о состоянии и количестве школ автономии. Из-за нехватки школьных работников не функционировали 55 школ из 225, из которых действовали только 170 учебных заведений. Примечательной является следующая цитата, раскрывающая тяжелое положение педагогов в автономии: «Школьные работники [...] буквально голодают, в дальнейшем [Краснококшайский] кантон рискует остаться без работников. Никакое циркулярное распоряжение не в силах их удержать на месте» [14. С. 55]. Помимо описания состояния культурной жизни области, в отчете приводились статистические данные разной степени полноты о количестве школ I и II ступеней в Краснококшайском, Козьмодемьянском и Сернурском кантонах. В Козьмодемьянском кантоне школ I уровня насчитывалось 95, II уровня – всего 1. В этих учреждениях обучалось 6 298 и 489 детей соответственно. Более развернутыми сведениями располагает Краснококшайский кантон, что дает возможность точнее оценить обстановку. Данные о тех или иных культурно-просветительских учреждениях содержатся в табличной форме по отдельным волостям. Согласно приводимым сведениям, в Краснококшайском кантоне функционировали 164 школы I ступени, 2 – II ступени, 4 – повышенного типа. В ряде волостей не хватало школьных работников, что, безусловно, влияло на качество преподавания. В Сернурском кантоне действовали 189 школ I ступени и 2 школы II ступени (383 и 18 работников соответственно). Всего в означенных кантонах насчитывалось 448 школ I ступени и 5 школ II ступени [14. С. 54–56]. Если сравнивать с показателями по Краснококшайскому уезду от 14 августа 1920 г. (212 школ I ступени и 8 школ II ступени) [14. С. 39], то можно сделать вывод о существенном сокращении совпартшкол I уровня на 48 единиц (22,6%) и совпартшкол II уровня – на 3 учреждения. Кроме того, показатели дают основания предположить, что сокращение количества школ должно было повлиять на улучшение качества образования вследствие снижения нагрузки учителей.

Развитие образования в автономии продвигалось и в области курсов по повышению квалификации в рамках политики коренизации. В апреле 1923 г. прошел XII съезд РКП(б), на котором была принята резолюция по решению национального вопроса. В целях приспособления советских институтов власти к быту народов и осуществления пополнения аппарата национальными кадрами члены партии постановили вести делопроизводство на родном языке. Рекомендации из Центра стали поступать и в Марийскую область. Так, предписывалось использовать марийский язык в делопроизводстве, служебных делах и разговорах, а также учить этому языку русских управленцев на курсах. Последняя рекомендация носила обязательный характер. Курсы были организованы областной комиссией 27 июля 1924 г. Также комиссия приняла решение перевести правовые документы общесоюзного значения на марийский язык [26. С. 20–21]. В декабре 1924 г. из ВЦИК пришло требование ведения официальной документации на русском и марийском языках [6]. При переводе правовых актов возникли сложности с подбором подходящих слов, которые отсутствовали в марийском языке. Несмотря на политику коренизации, больших показателей по ее реализации достигнуть не удалось. В государственных учреждениях на одного марийца приходилось двое русских [26. С. 20–21].

Не лучше обстояли дела и с политико-просветительской деятельностью в Марийской автономии. В отчете Марийского обкома ВКП(б) от 24 февраля 1927 г. властью области признавался ряд недостатков, негативно сказывавшихся на подготовке управленческого персонала. Во-первых, низкая заработная плата педагогов не способствовала их заинтересованности в улучшении качества образования. Во-вторых, нехватка помещений, необходимого оборудования в них, а также специализированной литературы на марийском языке. В-третьих, низкая образованность политпросветработников, подавляющее большинство которых не имело среднего образования (из 389 человек только 138 сотрудников составляли категорию лиц, имевших среднее и ниже среднего образование). Вместе с тем в отчете отмечался «заметный сдвиг в политико-просветительской работе» [14. С. 76–77].

Особую роль в ликвидации безграмотности в области играла созданная в 1921 г. Марийская комсомольская организация. Важным элементом этого учреждения являлась система комсомольского политпросвещения [7. С. 101]. Согласно докладу марийского обкома ВЛКСМ, в 1926–1927 гг. в политшколах I и II ступеней, передвижных школах, кружках политтчения принимали участие и члены комсомола. В означенный период действовало 15 политшкол I ступени и 7 политшкол II ступени. Оба этих учреждения достигли положительных результатов. Так, из 403 слушателей 377 прошли годичный курс в политшколе I уровня (93,5%), а из 205 слушателей политшколы II ступени завершить обучение смогли 165 человек (80,5 %) [14. С. 78]. Можно предположить, что создание данных образовательных учреждений стало следствием событий 1926 г., негативно сказавшихся на кадровом вопросе автономии, который был затронут на августовском пленуме Марийского обкома ВКП(б). На этом партийном форуме отмечалась сложность удержания хороших финансистов, поскольку госаппарат области был не способен выдавать запрашиваемую ими зарплату. В итоге скромный оклад, бюрократизм учреждений, а также халатность, бесхозяйственность и грубость некоторых специалистов, периодические чистки управленческого аппарата от «враждебных элементов» привели к тому, что опытные сотрудники уехали в Татарскую АССР, где условия труда отличались в лучшую сторону [21. С. 395–396].

Поскольку марийцы были слабо представлены во властных структурах, в 1928 г. облизполком начал проводить коренизацию марийского населения с целью его привлечения к управлению [20. С. 373]. У большинства выдвиженцев из народа, имевших партийную принадлежность, отсутствовало образование [26. С. 21]. В связи с этим Марийская автономия имела заинтересованность в подготовке соответствующих специалистов. Так, при Казанском университете был открыт Марийский рабфак [20. С. 373]. Предпринимались и другие меры. Согласно постановлению пленума ОК ВКП(б) от 12 июня 1929 г., планировалось расширить капиталовложения в бюджет народного образования до 36% от общего областного бюджета. В документе отмечается ряд недостатков в политике автономии относительно культурно-просветительской деятельности, которые требовалось устранить в кратчайшие сроки. Во-первых, темп строительства школ I ступени признавался недостаточным. Во-вторых, не хватало педагогов, знавших марийский язык. С этой целью пленум постановил создать краткосрочные курсы. В-третьих, ощущался явный дефицит в специалистах разного профиля, необходимых для развития «народного хозяйства и социально-культурных нужд» [14. С. 87–88]. Дальнейшая борьба за новые кадры продолжилась в 1930-е гг. [26. С. 21].

Таким образом, можно сделать ряд выводов. На протяжении 1920-х гг. кадровый вопрос в Марийской автономной области стоял очень остро вследствие нехватки опытных управленцев, которых правительство не могло удержать из-за слабой экономики, не позволявшей повысить заработную плату. Положение усугублялось внутривластной борьбой и периодическими чистками руководителей госаппарата по социальному признаку. Привлекаемые в рамках коренизации к управлению марийцы должны были компенсировать отсутствие практики руководства наличием политического образования. Главными трудностями в подготовке партийных и советских кадров являлись, во-первых, дефицит преподавательских кадров (среди которых встречались и те, кто не имел высшего образования), во-вторых, нехватка помещений с необходимым оборудованием, в-третьих, недостаточное обеспечение учебной литературой. Наряду с объективными трудностями имелись и достижения. В области появлялось множество школ I и II ступеней, организовывались курсы политического просвещения, кружки по чтению политической литературы, государство принимало участие в развитии народного образования, что представляло собой беспрецедентное явление в истории марийского народа.

4 ноября 1920 г., в соответствии с постановлением Президиума ВЦИК, была образована Вотская автономная область [25. С. 174–175]. Можно согласиться с мнением В.Ю. Войтовича о том, что такое название автономии свидетельствует о слабом представлении истории удмуртского народа советским правительством. Лишь в 1932 г. Вотская автономия была переименована в Удмуртскую [3. С. 125]. Создание Вотской автономии было невозможно без поддержки областной парторганизации, которая действовала вместе с Ревкомом области. Оба учреждения занимались решением ряда важнейших проблем, одной из которых являлся вопрос о центре автономии. На этот высокий статус претендовали два города: Ижевск и Глазов. Поскольку большинство коммунистов-вотяков проживало в Ижевске, центр области был перенесен туда из Глазова вскоре после создания автономии [12. С. 348]. Причиной переноса столицы в Ижевск послужило и то, что Глазов создавал трудности во взаимоотношениях с южными и центральными районами Вотской автономии [1. С. 22].

В качестве инструмента кадровой политики тех лет использовалась Всероссийская перепись членов РКП(б) – опрос коммунистов по перечню вопросов. Заполненные листы вносились в базу данных, позволявших большевикам совершать отбор кадров при назначении на руководящие посты и партийные должности в государственном аппарате [12. С. 348]. Ориентируясь на биографию председателя удмуртского облисполкома И.А. Наговицына, О.Г. Клецкина делает предположение, что в Советском государстве на заре его становления при отборе лиц на руководящие посты в качестве факторов кадровой политики выступали национальная и социальная принадлежность, знание языков, образование, дореволюционный партийный стаж и опыт революционной работы. В тяжелейших условиях голода, хозяйственной разрухи проходило становление автономии. Именно поэтому столь важное значение приобретали личные качества местных руководителей [12. С. 351–352].

Однако в условиях НЭПа одних личных качеств было мало. В марте 1921 г. в ходе X съезда РКП(б) вышла резолюция «Об очередных задачах партии в национальном вопросе» [18]. Помимо других составляющих национального вопроса, в этом документе содержалось решение о создании сети курсов, общеобразовательных и профессионально-технических школ, где обучение предписывалось вести на национальном языке в целях форсированной подготовки местных

партийных и советских управленцев. Для того чтобы исполнить поставленные задачи, Наркомнац принял решение «О разработке языков коренного населения автономных республик» [2. С. 125]. Реализацию этих мероприятий осуществляла Удмуртская областная парторганизация с начала создания автономии. Так, ею были приняты следующие меры: ликвидация безграмотности среди взрослого населения области, подготовка специалистов, знавших язык, культуру и обычаи удмуртского населения [2. С. 125–126].

Что касается образованности самих членов Удмуртской РКП(б), то здесь положение складывалось не самым лучшим образом. Из 2 265 членов и кандидатов в члены партии на 1 февраля 1922 г. высшее образование имели только 9 человек, среднее – 243, начальное – 1 782. Остальные являлись неграмотными. Чтобы решить эту проблему, коммунистов направляли учиться на курсах, рабфаках, в совпартшколах и вузах. Однако в Удмуртской партийной организации удельный вес членов с высшим и средним образованием оставался очень незначительным [10. С. 137].

Надо сказать, что культурно-просветительские мероприятия проводились государством в рамках политики коренизации органов местного управления, которая в Удмуртии проходила в три этапа. Первый длился с ноября 1920 г. по декабрь 1923 г. В этот период коренизацию осуществляла областная парторганизация в русле национальной государственной политики. Второй этап – с декабря 1923 по 1930 г. В ходе данного периода коренизация аппарата управления самостоятельно проводилась областными органами власти. Третий этап, выходящий за рамки настоящего исследования, начинался с 30-х гг. XX в. [2. С. 126].

Учитывая объем поставленных задач, I областной съезд Советов, который проходил в Удмуртии с 16 по 21 июня 1921 г., поручил облисполкому вместе с его хозяйственными органами всячески содействовать в строительстве новых и ремонте старых школ, бронировании пайков работников просвещения и т.д. Съезд не мог не учитывать кризисную ситуацию, выраженную в нехватке специалистов, поэтому им постановлялось «делать ударной работой профессиональное образование, укреплять существующие профессиональные школы, организовать курсы по разным специальностям, командировать рабочих и крестьян в высшие специальные учебные заведения». Указанные меры должны были обеспечить обучение квалифицированных специалистов [2. С. 126–127].

Развитие образовательной сети в Удмуртии шло довольно-таки успешно, если брать за критерий оценки количественных показателей. Так, в 1919 г. в Удмуртии в 1 327 совпартшколах I и II ступеней обучение проходили 112 138 человек. Ранее, в 1917 г., школ насчитывалось 375 с 15 тыс. обучавшимися [10. С. 140]. Однако на деле ситуация в сфере образования находилась в тяжелом положении, о чем писал 11 января 1921 г. выдающийся ученый Б.П. Есипов в статье «А этот фронт все еще забыт» газеты «Правда» [19]. Известный педагог рисует печальную картину состояния народного просвещения, упрекая советских и партийных работников в увлечении цифровыми показателями. «Не надо убаюкивать себя “возвышающей нас ложью”, хотя бы подчас и бессознательной, хотя бы подчас и внушенной нам несоответствующими действительности цифрами» – призывал Б.П. Есипов. Также он считал, что статистика численности школ I ступени не соответствовала действительности. Сокращение количества учреждений такого типа было вызвано, по мнению Есипова, отсутствием ремонта и топлива в учреждениях, а также школьных работников, значительная часть которых находилась в армии либо была «переведена

на дошкольную, внешкольную работу или на работу в детских домах» [13. С. 101–102]. На прошедшем 12 декабря 1921 г. II Областном съезде Советов докладчик, отмечая состояние развития народного образования, предположил, «что, хотя перспективы в области просвещения весьма печальны при отсутствии средств и продовольствия, тем не менее при участии в деле народного образования самого населения оно будет поставлено на должную высоту» [13. С. 120–121]. Несмотря на неблагоприятные условия, были достигнуты определенные успехи, среди которых можно назвать проделанный ремонт школ и других учреждений.

Развитие в Удмуртии получили и партшколы. 15 февраля 1920 г. в г. Сарапул для подготовки партийно-государственных руководителей из числа удмуртов была открыта партийная школа [1. С. 17]. О ее состоянии свидетельствует отчет секретаря вотского бюро при ЦК РКП(б). В период с 15 февраля по 15 декабря 1920 г. школа выпустила 3 сессии курсантов. В первую сессию на учебу было принято 137 человек, однако 20 курсантов из них добровольцами ушли на советско-польскую войну, а 56 на повторные курсы не пришли. В связи с этими обстоятельствами на учебу прибыл 61 человек. В национальном отношении контингент представлял собой разнородный коллектив. На первом месте были русские (35 курсантов), на втором – вотяки (21 курсант), на третьем – татары (4 курсанта), на четвертом – 1 латыш. На вторую сессию заявилось на 22 курсанта больше – 159 человек, из которых 22 уехало на фронт, а «остальные выбыли по разным причинам». В результате курс прошли 75 человек, т.е. на 14 больше, чем в прошлую сессию. В национальном отношении первое место по-прежнему удерживали русские курсанты (38 человек). Второе место числилось за вотяками (27 человек), на третьем месте – татары (6 человек). Помимо представленных народов в Сарапуле прошли обучение латыш, китаец, полячка и француженка. В третью сессию было принято 120 чел., из которых 38 курсантов оказались «исключены по разным причинам». На этот раз первенство по числу учащихся одержали удмурты (в отчете значились как вотяки): из 82 обучавшихся в Сарапуле прошли курс 43 человека. На втором месте – русские (36 человек). Кроме того, третью сессию прошли мордвин, еврей и татарин. Таким образом, удмурты были заметно представлены в составе обучавшихся: из 218 курсантов учебу прошел 91 удмурт (41,7% от общего числа) [24. С. 113–114].

Несмотря на положительный количественный показатель, качество преподавания оставляло желать лучшего. На преподавательскую деятельность негативно влияла перегруженность педагогов повседневной работой, которые, согласно отчету, «мало обращали внимания на курсантов». Познания учащихся о работе советского аппарата квалифицировались как поверхностные. При этом организованная преподавателями конференция для учащихся проходила оживленно. Некоторых положительных результатов удалось достичь в лекторской работе. Учитывая острую нехватку педагогов для такого рода деятельности, из их числа отличились наиболее способные 12 человек. Лекции проводились на русском и удмуртском языках. Последние имели заметный успех у представителей титульного населения автономии, о чем свидетельствуют такие строки отчета: «Курсанты-вотяки через лекции на вотском языке совсем перерождались. Они с большим вниманием и интересом слушали новые понятия на родном языке» [24. С. 115]. При этом секретарь выражал обеспокоенность об укомплектовании совпартшколы преподавателями. Поэтому им были внесены предложения пополнить лекторский состав организацией соответствующей партийной школы для успевающих курсантов [24. С. 114–115]. По данным отчета областного

экономического совещания Совету труда и обороны о народном образовании в области от 1 октября 1922 г., к этому времени совпартшкола в Сарапуле прекратила свое существование, и во всей области остались только две партийные школы – в Ижевске и Глазове [13. С. 126].

В 1922/23 учебном году в г. Глазове Вотской автономной области была образована уездная совпартшкола I ступени. Прохождение учебы в партийных школах такого типа являлось обязательным для членов местных парторганизаций. Глазовская совпартшкола разместилась в муниципализированном большевиками доме купца II гильдии А.А. Тимофеева. Обучавшиеся делились на две категории: вольные слушатели и курсанты. Они направлялись уездными комитетами РКП(б). Глазовская совпартшкола готовила кадры для трех уездов автономии. Зачисление могло быть только при условии, если абитуриент отвечал необходимым критериям при поступлении. В противном случае откомандированные пополняли число вольных слушателей либо отдавались в распоряжение уездных комитетов. Первый набор в основном состоял из мужчин. Так, на апрель 1923 г. из 91 курсанта было 60 мужчин и 31 женщина. Осенний набор оказался менее подготовленным, что было связано с крестьянским происхождением слушателей [11. С. 88].

Отдельного внимания требует организация учебного процесса в Глазовской совпартшколе. Учебный год длился с 15 сентября по 15 июля и подразделялся на триместры с двумя двухнедельными перерывами на каникулы в январе и мае. В Глазовской совпартшколе срок обучения проходил дольше установленного повсеместно. Первый триместр относился к октябрю – ноябрю, третий проходил с середины мая. С началом обучения курсанты распределялись по четырем группам, критерием разделения выступал объем знаний. Самые лучшие определялись в первую, наиболее отстающие – в четвертую. Курсанты первой группы стремились продолжить образование, и могли рассчитывать на зачисление в совпартшколу губернского уровня без сдачи вступительных испытаний. Во вторую группу брали тех, кто не имел возможности ехать на учебу, предполагавших поступить после школы I ступени в вуз, а также курсантов, менее успевавших по предметам. В образовательную программу Глазовской совпартшколы входило изучение русского языка, естествоведения, экономической географии, истории, экономической политики, гигиены, азбуки коммунизма, истории революционного движения, истории партии. Преподавание этих дисциплин осложнялось отсутствием единой программы, поэтому педагоги занимались самостоятельной их разработкой [11. С. 88].

В совпартшколе применялся ряд методов для успешного освоения учебного материала. В Глазовской совпартшколе в целях проработки лекций использовался кружковый метод. Это было вызвано низкой культурной подготовкой курсантов. Суть метода состояла в постижении знаний посредством конструирования вопросов и ответов. Для изучения экономической географии применялся краеведческий метод. Экскурсионный метод означал организацию учебных экскурсий. Семинарский применялся в третьем триместре для самых подготовленных курсантов [11. С. 89].

Руководство Глазовской совпартшколой осуществляли заведующий школой, заведующий учебной частью (оба имели партийную принадлежность), а также коллегиальные структуры, к которым относились школьный совет и учебная коллегия. Оба заведующих принадлежали к возрастной группе

от 20 до 30 лет. Большую часть времени заведующий школой тратил на хозяйственно-административные дела. Объем работы, однако, не предполагал отказ от преподавательской деятельности. Так, в ноябре 1923 г. заведующий школой Ф.Г. Ворончихин был назначен лектором по политэкономии. Сделано это было школьным советом с целью закрепить данный предмет за человеком с партийной принадлежностью. Деятельность школьного совета выражалась в заседаниях, на которых заслушивались доклады руководителей школы, а также обсуждались текущие вопросы деятельности совпартшколы. К функциям совета относилось также назначение лекторов, зачисление вольных слушателей в курсанты по результатам личных заявлений или ходатайств школьных инстанций, исключение курсантов по определенным причинам (плохая успеваемость, пропуски занятий, пассивность, бестактное поведение). Учебная коллегия состояла из представителей от преподавательского состава, старост, школьных партийных ячеек. Этот орган осуществлял способы проверки знаний обучающихся, определял время каникул, формы наказаний провинившихся курсантов. За качеством обучения следили посредством контроля за посещаемостью [11. С. 89–90].

Об успеваемости учащихся Глазовской совпартшколы свидетельствует доклад секретаря Глазовского укома РКП(б) М.Г. Журавлева, который представили на совещании секретарей партийных ячеек 25 августа 1923 г. Выпущенных 69 курсантов распределили по степени успеваемости. Отличниками учебы оказалось 18 человек, окончивших хорошо – 28, удовлетворительно – 21, слабо – 2. Борясь за преподавательские кадры, из состава отличников 4 курсанта были отобраны для подготовки под началом лекторов учреждения [5. С. 109]. Успеваемость в Глазовской и Ижевской совпартшколах в период с марта 1923 г. по 1 апреля 1924 г. можно охарактеризовать как успешную, о чем свидетельствует отчет Агитационно-пропагандистского отдела обкома РКП(б). За это время в обеих совпартшколах был выпущен 141 курсант, из которых только 20% (т.е. 28 человек) «слабо окончили школу»; внедрены в использование новые программы Главполитпросвета; организованы 2 вечерние совпартшколы с расширенной программой. Наряду с достижениями существовали и недостатки, которые имели место быть и ранее: материальное оснащение учреждений по-прежнему характеризуется как слабое, все так же чувствовался недостаток в лекторах [13. С. 144–145].

В 1921–1923 гг. произошли изменения в области образования. Из-за голода 1921 г. и перевода расходов за счет местного бюджета произошло резкое сокращение количества учебных заведений и численности учащихся. Так, с начала 1921 г. количество совпартшкол I ступени уменьшилось на 53%, II ступени – на 30%. Местные власти пытались восполнить недостаток бюджетных средств введением платных образовательных услуг, которые, однако, только частично улучшили положение. По итогам обучения к 1923/24 учебному году школы обеспечивали лишь 20% детей [10. С. 141]. В 1923 г. в Удмуртской АО насчитывалось 412 совпартшкол I ступени и 19 – II ступени, в которых всего обучалось 34 778 человек (среди них – 15 277 удмуртских детей) [2. С. 127]. В сравнении с 1919 г. количество совпартшкол первых двух ступеней серьезно снизилось. Только в 1925 г. было приостановлено сокращение количества школ. Возросли государственные расходы на народное образование вследствие оживления экономики [10. С. 141]. Если в 1925 г. действовала 451 школа, то в 1927 г. их количество составило 565 [26. С. 23]. В 1927/28 учебном году в автономии в 530 совпартшколах I ступени, из которых 188 – удмуртских, обучалось 49 465 человек.

В это же время существовало 35 школ II ступени (из них – 2 удмуртские), в которых училось почти 5 000 детей. Теперь начальным обучением было охвачено 53,3% от общего состава детей школьного возраста [10. С. 142]. Приведенные статистические данные дают возможность констатировать положительную динамику роста образовательных учреждений.

Проводя политику коренизации в Удмуртии, облисполком в 1924 г. принял меры по налаживанию в областных органах власти делопроизводства на удмуртском языке (данные мероприятия проводились в тех волостях, где численность удмуртского населения превышала русское на 50%). С этой целью для части работников были организованы курсы по изучению удмуртского языка: для административно-технического персонала – трехмесячные, для работников на пишущих машинках – двухмесячные, для служащих областного масштаба – трехмесячные. Помимо курсов для служащих во властных структурах обучением удмуртского языка занимались совпартшколы [24. С. 163–165]. Косвенно о некоторых результатах свидетельствует доклад ответственного инструктора ЦК РКП(б) от 19 августа 1925 г., в котором содержатся сведения о национальной политике в Удмуртии, в частности, о коренизации госаппарата: «было вынесено много решений о переводе делопроизводства и работы в целом ряде учреждений и районов на вотский язык, но это весьма слабо проводится» [24. С. 174–175]. Также отмечается, что подготовка, переподготовка и командирование в разные учебные заведения удмуртских работников ведется «недостаточно энергично».

Тем не менее политика коренизации уже дала определенные результаты. Так, в 1927 г. было избрано 57,3% сельских и 58,5% волостных советов из числа коренного населения. Поскольку наибольшее количество обращений поступало в волисполкомы и сельсоветы, именно они обеспечивались управленческими кадрами в первую очередь. Таким образом, народные массы получили возможность решать свои насущные проблемы на родном языке [2. С. 132]. Однако ситуация резко изменилась в 1928 г., когда в Удмуртии прошла чистка госаппарата, одновременно с которой началось его пополнение выдвиженцами из числа рабочих и беднейших крестьян. К сожалению, выдвиженчество превратилось во внутривластную борьбу. Неумеренная коренизация партийно-государственного аппарата нанесла огромный вред кадровой политике. В удмуртских волостях было уволено до 95 % служащих. Из-за дискредитации политики коренизации в массах стало накапливаться недовольство, росли антиудмуртские настроения. Вместе с тем данная политика привела к расширению сети курсов, ликбезов по изучению удмуртского языка [26. С. 23].

Несмотря на негативные результаты, курс на вовлечение удмуртов в органы управления продолжился. 21–26 марта 1929 г. на IX съезде Советов Удмуртской АО было вынесено новое постановление о коренизации аппарата власти путем включения в него удмуртов из числа рабочего класса, а также крестьян-середняков и бедняков. В апреле 1929 г., выполняя постановления съезда, президиум облисполкома создал комиссию. Ее выводы послужили основой для формирования президиумом ряда необходимых мер. Теперь на работу в учреждения принимались люди со знанием удмуртского языка (в противном случае кадры обязывали пройти годичную подготовку по изучению языка). Местный бюджет выделил для реализации принятых мер 79 тыс. руб., а государственный – 38,7 тыс. руб., в том числе 12,7 тыс. – для издания учебников для школ и различных курсов, а также 92,1 тыс. в целях создания курсов по подготовке и переподготовке государственных служащих [2. С. 133–134].

Вместе с некоторыми достижениями по реализации политики коренизации (главным образом в сельсоветах и волисполкомах) президиум облисполкома отметил и недостатки. Среди них: невыполнение сроков, нехватка материалов по ведению делопроизводства на удмуртском языке, плохое знание удмуртской грамматики русскими управленцами, недостаточное снабжение техническими средствами учреждений и предприятий. Учитывая все это, президиум облисполкома учредил программу проверок на местах. Одновременно руководство принимало меры по организации новых школ и техникумов, увеличивая количество политико-просветительных организаций и т.д. К январю 1930 г. были достигнуты успехи по коренизации госаппарата. Так, в райисполкомах удмуртов насчитывалось 43%, в сельсоветах – 59, в облисполкоме – 58,9, в горсоветах – 14,1 [2. С. 134].

Подготовка кадров при проведении политики коренизации осуществлялась еще и путем системы практики в учреждениях, внедрения профессионально-технического образования, курсового обучения, командирования в средние и высшие учебные заведения и пр. Причем подготовке специалистов из числа удмуртского населения отводилось особое место [2. С. 137]. Руководство автономии продолжило политику по коренизации аппарата, но уже в 1930-е гг. [26. С. 24].

Таким образом, можно сделать следующие выводы по особенностям процесса подготовки партийных и советских кадров в Удмуртии. С самого начала существования автономии на ее территории действовало значительное количество партшкол, которое менялось вследствие объективных обстоятельств. К ним, например, можно отнести голод и перевод содержания учреждений с государственного на местный бюджет. Отдельно можно остановиться на совпартшколах по подготовке государственных служащих. За десятилетие в Удмуртии действовали 3 партийные школы: Ижевская, Глазовская и Сарапульская. Все они испытывали схожие трудности: нехватка квалифицированных лекторов, перегруженность преподавателей посторонней работой, слабая материальная обеспеченность учреждений. Политика коренизации в области дала противоречивые результаты. С одной стороны, вовлечение в политическую учебу и работу в госструктуры представителей удмуртского народа позволило успешно решать проблемы местного населения; с другой стороны, внедрение удмуртского языка в делопроизводство выполнялось не на должном уровне. Негативно на результаты коренизации повлияла чистка аппарата, выборы в который в конце 1920-х гг. превратились в арену борьбы за власть. Однако можно констатировать значительные успехи в развитии политического в частности и всеобщего образования в целом, когда при совместном участии Центра и местных властей удалось создать сеть учебных заведений разного профиля. Также можно сделать вывод о том, что целенаправленная политика автономий по обязательному изучению языков титульных этносов приводила к межнациональной напряженности и закладывала основу для развития национализма.

**Выводы.** Кадровая проблема у рассматриваемых финно-угорских автономий имела неразрывную связь с процессом формирования государственно-сти. И у Марий Эл, и у Удмуртии пополнение аппарата областного управления было сопряжено с эпизодами внутрипартийной борьбы за власть. Рост количества образовательных учреждений далеко не всегда означал качественные позитивные сдвиги в учебном процессе. Появление или сокращение совпартшкол и других культурно-просветительных учреждений зависело от разных факторов, к которым следует отнести и голод 1921 г. Абсолютно для всех исследуемых

автономий при проведении политики коренизации, предполагавшей, с одной стороны, массовое обучение в специализированных учебных заведениях, а с другой – вовлечение автохтонного населения в государственное управление, характерна тесная сплоченность с государством, чьи постановления старались выполняться местными властями. Существовавшие проблемы, заключающиеся в нехватке педагогов и недостаточном материальном оснащении учебных учреждений, можно объяснить объективными социально-экономическими и культурными условиями, в которых проходило развитие образования в автономиях. Тем не менее 1920-е гг. стали важным периодом в истории Марий Эл и Удмуртии в области культурного строительства в целом и формировании сети совпартшкол для подготовки профессиональных управленцев в частности.

### Литература

1. *Васильева О.И., Воронцов В.С.* «Мы должны соблюдать общее единение с русскими гражданами и составить с ними единое государство...» // Государственность Удмуртии: историко-культурные практики и стратегии современного развития: сб. ст. по материалам Междунар. науч.-практ. форума, Ижевск, 15 октября 2020 г. Ижевск: Удмурт. фед. исслед. центр УрО РАН, 2020. Т. 2, ч. 1. С. 10–27.
2. *Войтович В.Ю.* Государственное строительство в Удмуртии: основные вехи. Ижевск: Удмуртия, 2006. 447 с.
3. *Войтович В.Ю.* Зарождение национальной государственности в Удмуртии (к 95-летию образования УАО) // Вестник Удмуртского университета. Сер. Экономика и право. 2015. № 6. С. 124–130.
4. *Гвоздева М.М.* Система повышения квалификации партийных и советских служащих в СССР: исторический экскурс // Вестник Поволжской академии государственной службы. 2010. № 3(24). С. 28–33.
5. Глазов. Документы и материалы. 1678–1989 гг. / под ред. А.А. Тронина. Ижевск: Удмуртия, 1992. 260 с.
6. Декрет Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета. О переводе делопроизводства на соответствующие местные языки в автономных республиках и областях. 22 декабря 1924 г. // Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства РСФСР за 1925 г. № 1-44. Отдел первый / Народ. комиссариат юстиции. М., [Б.г.]. С. 35–36. [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/361376-dekret-vserossiyskogo-tsentralnogo-ispolnitelnogo-komiteta-o-perevode-deloproizvodstva-na-sootvetstvuyushchie-mestnye-yazyki-v-autonomnyh-respublikah-i-oblastyah-22-dekabrya-1924-g#mode/inspect/page/1/zoom/4> (дата обращения: 21.01.2025).
7. *Дослехов И.* Город Краснококшайск (Йошкар-Ола) в 1920-е годы // Студенческая наука и XXI век. 2009. № 6. С. 100–102.
8. *Желобанов А.В.* Проблемы подготовки кадров партийно-государственного аппарата в ЧАССР во второй половине 1920-х гг.: сборник трудов конференции // Университетское гуманитарное образование в России: к 70-летию со дня рождения профессора А.В. Арсентьевой: материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Чебоксары, 16–17 дек. 2024 г.) / редкол.: О.Н. Широков [и др.]. Чебоксары: ИД «Среда», 2024. С. 338–339.
9. Интеграция математических методов и цифровых технологий как основа создания комплекса фундаментальных курсов в подготовке современных управленческих кадров / *Ю.Ю. Петрунин, Г.М. Агаян, В.В. Бухарин, А.А. Григорян и др.* // Вестник Московского университета. Сер. 21. Управление (государство и общество). 2024. № 1. С. 139–167.
10. История Удмуртии: XX век / под ред. К.И. Куликова; введ. О.И. Васильевой, Л.Н. Бехтеревой, Н.А. Родионова. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2005. 544 с.
11. *Клёцкина О.Г.* Образовательная и общественно-политическая деятельность советской партийной школы Глазовского уезда Вотской автономной области в 1923–1924 годах // Ежегодник финно-угорских исследований. 2024. Т. 18. № 1. С. 87–96.
12. *Клёцкина О.Г.* Процесс становления Вотской автономной области сквозь призму кадровой политики Советской власти и личных качеств первого председателя областного исполкома // Актуальные проблемы региональной истории: взаимоотношения центра и регионов в исторической динамике: материалы I Всерос. с междунар. участием науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения Александра Александровича Александрова (1919–2010) и 85-летию со дня рождения Анатолия Ивановича Суханова (1934–1989), Ижевск, 7–8 ноября 2019 г. Ижевск: Удмуртский фед. исслед. центр УрО РАН, 2019. С. 345–354.
13. Культурное строительство в Удмуртии. Сборник документов (1917–1940 гг.). Ижевск: Удмуртия, 1970. 371 с.

14. Культурное строительство Марийской АССР: сб. док. Кн. 1. 1917–1941 гг. Йошкар-Ола, 1983. 200 с.
15. Марий Эл / Н.О. Тельнова, М.Д. Горячко, В.С. Патрушев и др. [Электронный ресурс] // Большая российская энциклопедия 2004–2017: сайт. URL: <https://old.bigenc.ru/geography/text/-5745792> (дата обращения: 12.01.2025).
16. Минева Е.К. Деятельность Наркомнаца РСФСР и его отделов в национальных районах Среднего Поволжья по подготовке и коренизации специалистов // Ученые записки Российского государственного социального университета. 2007. № 3(55). С. 112–119.
17. О программе [Электронный ресурс] // Информационный сайт Комиссии по организации подготовки управленческих кадров для организаций народного хозяйства Российской Федерации. URL: <https://www.pprog.ru/gosudarstvennyy-plan-podgotovki/o-programme> (дата обращения: 11.01.2025).
18. Об очередных задачах партии в национальном вопросе (Из резолюции X съезда РКП(б)) // О культурном строительстве. М.: Работник просвещения, 1930. С. 91–92 [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/136554-ob-ocherednyh-zadachah-partii-v-natsionalnom-voprose-iz-rezolyutsii-x-sezda-rkp-b#mode/inspect/page/2/zoom/4> (дата обращения: 21.01.2025).
19. Помелов В.Б. Есипов Борис Петрович // Большая российская энциклопедия: научно-образовательный портал [Электронный ресурс]. URL: <https://bigenc.ru/c/esipov-boris-petrovich-cb0-bb4/?v=9355680>. (дата обращения: 13.01.2025).
20. Сутырина О.Н. Государственная национальная политика: от марийской автономной области – к республике Марий Эл // Теория и практика эффективности государственного и муниципального управления: сб. науч. ст. 2-й Всерос. науч.-практ. конф., Курск, 12 мая 2020 г. / под ред. О.В. Михайловой. Курск: Юго-Западный гос. ун-т, 2020. С. 371–375.
21. Сутырина О.Н. «Мы до сих пор не научились хозяйничать»: кадровая политика в период нэпа // Вестник Марийского государственного университета. Сер. Исторические науки. Юридические науки. 2020. Т. 6, № 4. С. 391–400.
22. Тимкин Ю.Н. Особенности процесса становления областной организации РКП(б) Марийской автономной области в 1921–1923 гг. По архивным материалам // Вестник архивиста. 2022. № 2. С. 384–395.
23. Удмуртия / М.Н. Петрушина, Т.К. Петрушина, М.Д. Горячко и др. // Большая российская энциклопедия. Москва, 2016. Т. 32. С. 681–688.
24. Хрестоматия по истории Удмуртии: в 2 т. Т. 2. Документы и материалы. 1917–2007 / Комитет по делам архивов при Правительстве Удмуртской Республики. Ижевск, 2007. 772 с.
25. Хрестоматия по истории Удмуртии. Ижевск: Удмуртия, 1973. 360 с.
26. Чекушкин А.Н. Формирование национальных кадров в финно-угорских автономиях в 1920–1930-е гг. (на примере марийского, мордовского и удмуртского народов) // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. 2011. № 1. С. 20–25.
27. Чернышова А.В. Советский опыт непрерывного профессионального образования управленческих кадров // Великие реки 2018: труды науч. конгресса 20-го Междунар. науч.-промышл. форума, Нижний Новгород, 15–18 мая 2018 г.: в 3 т. / отв. ред. А.А. Лапшин. Нижний Новгород: Нижегородский гос. архитектурно-строительный ун-т, 2018. Т. 2. С. 325–327.

---

**ЖЕЛОБАНОВ АРТЕМИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ** – ассистент кафедры отечественной истории, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары ([zhelobanov.a@mail.ru](mailto:zhelobanov.a@mail.ru)); ORCID: <https://orcid.org/0009-0003-4038-8492>).

---

**Artemy V. ZHELOBANOV**

**THE SPECIFICS OF TRAINING PARTY AND SOVIET PERSONNEL IN THE 1920s  
(based on the materials of the Mari and Udmurt Autonomous regions)**

**Key words:** *personnel training, schools for training Soviet government and Communist Party workers, the Mari Autonomy, the Udmurt Autonomy, Sarapul party school, Glazovskaya party school, korenization policy.*

*Training specialists in the field of public administration is an urgent topic, as evidenced, for example, by the "Presidential Management Personnel Program", which has been implemented in most of the country. As digitalization becomes a part of modern management, there is a need to update the educational program for future leading figures. To avoid repeated mistakes when introducing innovations in training government workers, it is necessary to study the experience of training party and Soviet personnel in the 1920s. This topic is poorly studied, which is confirmed by a modest number of publications.*

**The purpose of the study** is to identify and evaluate the specifics of training party and Soviet personnel in the 1920s based on the materials of the Mari and the Udmurt autonomous regions.

**Materials and methods.** The published collections of documents served as the source base. Chronological framework: 1920s. Historical-genetic, historical-comparative, historical-systemic and other methods were used when preparing the article.

**Results.** The article examines the specifics of training party and Soviet personnel in the 1920s in the Mari and the Udmurt Autonomous Regions. A brief description of political education involvement in the 1920s is given. The previous circle form of training for future managers proved ineffective in the conditions of transition from the Civil War to the new economic policy. In the new circumstances, a well-educated and ideologically competent leader was required. For this purpose, a three-tier system of Soviet party schools (school for training Soviet government and Communist Party workers) was formed. The development of party education in Mari El took place in the context of an internal party struggle for power and a serious shortage of personnel. Famine inflicted a heavy blow on the formation of a network of party educational institutions, which exacerbated the shortage of teaching staff. Training of party and Soviet personnel from the Mari took place in line with the policy of korenization, which supposed an active involvement of the titular ethnic groups of the national-territorial formations in self-governance. The quality of education decreased due to a low educational level of political education workers, the lack of specialized literature and facilities equipped with the necessary equipment. Periodic housecleanings of the state apparatus had a negative impact on the composition of the management staff. At the same time, important achievements in organizing cultural and educational institutions are noted. The development of party education in Udmurtia took place in conditions of teaching staff shortage. The number of educational institutions often outweighed the quality of education. Schools for training Soviet government and Communist Party workers were opened in Izhevsk, Sarapul and Glazov. The history of Sarapul and Glazovskaya party schools is considered in detail. In order to eliminate the shortage of lecturers in these educational institutions, it was decided to select persons on course who had successfully completed their studies as teachers. The quality of education in schools for training Soviet government and Communist Party workers was influenced by teachers' overburdening with exterior work, as well as poor material equipment of educational institutions. In the process of korenization of the Udmurt state apparatus, office work was translated into the Udmurt language, and courses on its study were organized in parallel. The successes of this policy were often offset by housecleanings of the state apparatus. Important results on forming the network of political educational institutions in Udmurtia are noted.

**Conclusions.** The personnel problem was directly related to the formation of statehood among the Mari and the Udmurts. The increase or decrease in the number of schools for training Soviet government and Communist Party workers was influenced by various factors, including the famine of 1921. The policy of korenization, which involved training in specialized organizations and involving the local population in government structures, was carried out in both autonomies in close cooperation with the Center. The disadvantages of training were explained by objective socio-economic and cultural conditions. For Mari El and Udmurtia, the 1920s became an important period in the field of cultural construction and formation of schools for training Soviet government and Communist Party workers.

## References

1. Vasil'eva O.I., Vorontsov V.S. «My dolzhny soblyudat' obshchee edinenie s russkimi grazhdanami i sostavit' s nimi edinoe gosudarstvo...» [«We must maintain common unity with Russian citizens and form a single state with them...»]. In: *Gosudarstvennost' Udmurtii: istoriko-kul'turnye praktiki i strategii sovremennogo razvitiya: sb. statei po materialam Mezhdunar. nauch.-prakt. foruma, Izhevsk, 15 oktyabrya 2020 g.* [Proc. of Int. Sci. Conf. «Udmurtia's statehood: historical and cultural practices and strategies of modern development»]. Izhevsk, 2020, vol. 2, part 1, pp. 10–27.
2. Voitovich V.Yu. *Gosudarstvennoe stroitel'stvo v Udmurtii: osnovnye vekhi* [State building in Udmurtia: key milestones]. Izhevsk, Udmurtiya Publ., 2006, 447 p.
3. Voitovich V.Yu. *Zarozhdenie natsional'noi gosudarstvennosti v Udmurtii (k 95-letiyu obrazovaniya UAO)* [The origin of the national statehood in Udmurtia (to the 95<sup>th</sup> anniversary of the formation of UAR)]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seri. Ekonomika i pravo*, 2015, no. 6, pp. 124–130.
4. Gvozdeva M.M. *Sistema povysheniya kvalifikatsii partiinykh i sovetskikh sluzhashchikh v SSSR: istoricheskii ekskurs* [The Party and Soviet Servants Professional Development System in USSR: the Historical Retrospective]. *Vestnik Povolzhskoi akademii gosudarstvennoi sluzhby*, 2010, no. 3(24), pp. 28–33.

5. Tronin A.A., ed. *Glazov. Dokumenty i materialy. 1678–1989 gg.* [Glazov. Documents and materials. 1678–1989]. Izhevsk, Udmurtiya Publ., 1992, 260 p.

6. *Dekret Vserossiiskogo Tsentral'nogo Ispolnitel'nogo Komiteta. O perevode deloproizvodstva na sootvetstvuyushchie mestnye yazyki v avtonomnykh respublikakh i oblastiakh. 22 dekabrya 1924 g.* [Decree of the All-Russian Central Executive Committee. On the translation of office work into the relevant local languages in the autonomous republics and regions. December 22, 1924]. Available at: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/361376-dekret-vserossiyskogo-tsentralnogo-ispolnitelnogo-komiteta-o-perevode-deloproizvodstva-na-sootvetstvuyushchie-mestnye-yazyki-v-avtonomnykh-respublikah-i-oblastyah-22-dekabrya-1924-g#mode/inspect/page/1/zoom/4> (Access Date: 2025, Jan. 21).

7. Dospekhov I. *Gorod Krasnokokshaysk (Ioshkar-Ola) v 1920-e gody* [The city of Krasnokokshaysk (Yoshkar-Ola) in the 1920s]. *Studencheskaya nauka i XXI vek*, 2009, no. 6, pp. 100–102.

8. Zhelobanov A.V. *Problemy podgotovki kadrov partiino-gosudarstvennogo apparata v ChASSR vo vtoroi polovine 1920-kh gg.* [Problems of personnel training of the party-state apparatus in the ChASSR in the second half of the 1920s]. In: *Universitetskoe gumanitarnoe obrazovanie v Rossii: k 70-letiyu so dnya rozhdeniya professora A.V. Arsent'evoi: materialy Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* [Proc. of. Int. Sci. Conf. «University humanities education in Russia»]. Cheboksary, Sreda Publ., 2024, pp. 338–339.

9. Petrunin Yu.Yu., Agayan G.M., Bukharin V.V. et al. *Integratsiya matematicheskikh metodov i tsifrovyykh tekhnologii kak osnova sozdaniya kompleksa fundamental'nykh kursov v podgotovke sovremennykh upravlencheskikh kadrov* [Integration of mathematical methods and digital technologies as the basis for the creation of a set of fundamental courses in the training of modern management personnel]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 21. Upravlenie (gosudarstvo i obshchestvo)*, 2024, no. 1, pp. 139–167.

10. Kulikov K.I., ed. *Istoriya Udmurtii: XX vek* [History of Udmurtia: XX century]. Izhevsk, 2005, 544 p.

11. Kletschina O.G. *Obrazovatel'naya i obshchestvenno-politicheskaya deyatel'nost' sovetskoi partiinoi shkoly Glazovskogo uyezda Votskoi avtonomnoi oblasti v 1923–1924 godakh* [Educational and socio-political activities of the Soviet party school of the Glazov district of the Votskaya autonomous region in 1923–1924]. *Ezhegodnik finno-ugorskiykh issledovaniy*, 2024, vol. 18, no. 1, pp. 87–96.

12. Kletschina O.G. *Protsess stanovleniya Votskoi avtonomnoi oblasti skvoz' prizmu kadrovoy politiki Sovetskoi vlasti i lichnykh kachestv pervogo predsedatelya oblastnogo ispolkoma* [The process of formation of the Votsky Autonomous Region through the prism of the personnel policy of the Soviet government and the personal qualities of the first chairman of the regional executive committee]. *Aktual'nye problemy regional'noi istorii: vzaimootnosheniya tsentra i regionov v istoricheskoi dinamike: materialy I Vseros. s mezhdunar. uchastiem nauch. konf., posvyashch. 100-letiyu so dnya rozhdeniya Aleksandra Aleksandrovicha Aleksandrova (1919–2010) i 85-letiyu so dnya rozhdeniya Anatoliya Ivanovicha Sukhanova (1934–1989)* [Proc. of. Int. Sci. Conf. «Actual problems of regional history: the relationship between the center and the regions in historical dynamics»]. Izhevsk, 2019, pp. 345–354.

13. *Kul'turnoe stroitel'stvo v Udmurtii. Sbornik dokumentov (1917–1940 gg.)* [Cultural construction in Udmurtia. Collection of documents (1917–1940)]. Izhevsk, Udmurtiya Publ., 1970, 371 p.

14. *Kul'turnoe stroitel'stvo Mariiskoi ASSR: sb. dok. Kn. 1. 1917–1941 gg.* [Cultural construction of the Mari ASSR: Collection of documents. Book 1: 1917–1941]. Yoshkar-Ola, 1983, 200 p.

15. Tel'nova N.O., Goryachko M.D., Patrushev V.S. et al. *Marii El* [Mari El]. Available at: <https://old.bigenc.ru/geography/text/5745792> (Access Date: 2025, Jan. 12).

16. Mineeva E.K. *Deyatel'nost' Narkomnatsa RSFSR i ego otdelov v natsional'nykh raionakh Srednego Povolzh'ya po podgotovke i korenizatsii spetsialistov* [The activities of the People's Commissariat of the RSFSR and its departments in the national regions of the Middle Volga region for the training and korenization of specialists]. *Uchenye zapiski Rossiiskogo gosudarstvennogo sotsial'nogo universiteta*, 2007, no. 3(55), pp. 112–119.

17. *O programme* [About the program]. Available at: <https://www.pprog.ru/gosudarstvennyy-plan-podgotovki/o-programme/> (Access Date: 2025, Jan. 11).

18. *Ob ocherednykh zadachakh partii v natsional'nom voprose (Iz rezolyutsii X s'ezda RKP(b))* [On the immediate tasks of the party in the national question (From the resolution of the Tenth Congress of the Russian Communist Party(b))]. Available at: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/136554-ob-ocherednykh-zadachah-partii-v-natsionalnom-voprose-iz-rezolyutsii-x-sezda-rkp-b#mode/inspect/page/2/zoom/4> (Access Date: 2025, Jan. 21).

19. Pomelov V.B. *Esipov Boris Petrovich* [Boris Petrovich Esipov]. Available at: <https://bigenc.ru/c/esipov-boris-petrovich-cb0bb4/?v=9355680> (Access Date: 2025, Jan. 13).

20. Sutyryna O.N. *Gosudarstvennaya natsional'naya politika: ot mariiskoi avtonomnoi oblasti – k respublike Marii El* [State national policy: from the Mari Autonomous Region to the Republic of Mari El]. In: Mikhailova O.V., ed. *Teoriya i praktika effektivnosti gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya: Sbornik nauchnykh statei 2-i Vseros. nauch.-prakt. konf.* [Proc. of 2<sup>nd</sup> Russ. Sci. Conf. «Theory and practice of the effectiveness of state and municipal management»]. Kursk, 2020, pp. 371–375.

21. Sutyryna O.N. «*My do sikh por ne nauchilis' khozyainichat'*»: kadrovaya politika v period nepa [«We still haven't learned how to manage»: personnel policy during the NEP period]. *Vestnik Mariiskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Istoricheskie nauki. Yuridicheskie nauki*, 2020, vol. 6, no. 4, pp. 391–400.
22. Timkin Yu.N. *Osobennosti protsessa stanovleniya oblastnoi organizatsii RKP (b) Mariiskoi avtonomnoi oblasti v 1921–1923 gg. Po arkhivnym materialam* [Features of the Process of Formation of the Regional Organization of the RCP(B) of the Mari Autonomous Region in 1921–23: Archival Materials]. *Vestnik arkhivista*, 2022, no. 2, pp. 384–395.
23. Petrushina M.N., Petrushina T.K., Goryachko M.D. et al. *Udmurtiya* [Udmurtia]. In: *Bol'shaya Rossiiskaya entsiklopediya* [The Great Russian Encyclopedia]. Moscow, 2016, vol. 32, pp. 681–688.
24. *Khrestomatiya po istorii Udmurtii: v 2 t. T. 2. Dokumenty i materialy. 1917–2007* [A textbook on the history of Udmurtia. 2 vols. Vol. 2: Documents and materials. 1917–2007]. Izhevsk, 2007, 772 p.
25. *Khrestomatiya po istorii Udmurtii* [A textbook on the history of Udmurtia.]. Izhevsk, Udmurtiya Publ., 1973, 360 p.
26. Chekushkin A.N. *Formirovanie natsional'nykh kadrov v finno-ugorskikh avtonomiyakh v 1920–1930-e gg. (na primere mariiskogo, mordovskogo i udmurtskogo narodov)* [The forming of the national stuff in the finno-ugrian autonomies in 1920-1930-s (based on the sample of the marijsky, mordovsky and udmurtsky peoples)]. *Gumanitarii: aktual'nye problemy gumanitarnoi nauki i obrazovaniya*, 2011, no. 1, pp. 20–25.
27. Chernyshova A.V. *Sovetskii opyt nepreryvnogo professional'nogo obrazovaniya upravlencheskikh kadrov* [The Soviet experience of continuous professional education of management personnel]. In: Lapshin A.A., ed. *Velikie reki' 2018: Trudy nauchnogo kongressa 20-go Mezhdunarodnogo nauchno-promyshlennogo foruma: v 3 t.* [Proc. of the Sci. Congress of the 20<sup>th</sup> Int. Sci. and Industrial Forum «Great Rivers 2018»: 3 vols.]. Nizhnii Novgorod, 2018, vol. 2, pp. 325–327.

---

**ARTEMY V. ZHELOBANOV – Assistant Lecturer, Department of Russian History, Chuvash State University, Russia, Cheboksary (zhelobanov.a@mail.ru; ORCID: <https://orcid.org/0009-0003-4038-8492>).**

---

**Формат цитирования:** Желобанов А.В. Специфика подготовки партийных и советских кадров в 1920-е годы (на материалах Марийской и Удмуртской автономий) // Исторический поиск / Historical Search. – 2025. – Т. 6, № 1. – С. 19–36. DOI: 10.47026/2712-9454-2025-6-1-19-36.